

ЭКОНОМ

ХРИСТИАН ГЕОРГИЕВИЧ ЖАКОВСКИЙ,

председатель Советской делегации, подписавшей Советско-английский генеральный договор.

Фот. В. П. Микулина.

У ВЕЛИКОЙ МОГИЛЫ

Фот. В. П. Миткулина.

Следственно тысячи рабочих и работниц посещают Мавзолей В. И. Ленина на Красной площади.

Из поэмы „АЗИАТЫ“

Александра Жарова.

А было так:

со всех сторон
Москву оцепит вечер.
Займет один, другой район
И над Замоскворечьем
Развесит месяц синий чуб
Косится пьяной рожей
Туда, где комсомольский клуб,—
Дворец
Рабочей Молодежи!...

Я знаю:

Месяц удивлен,
Он смотрит возмущенно
На то, что к мрамору колонн
Пригвождены знамена!

Что в синем омуте зеркал—
Совсем не то, что прежде:
Простых парней он увидал
В поношенной одежде!

Он видел тысячи миров;
Но для него новинка,—
Что топчут теплый мех ковров
Рабочие ботинки.

О, месяц, месяц!
Как ты хмур...
От горя не состарься!..
Затмила множество гравюр,
Одна гравюра—Маркса!

И, вместо множества картин
С пейзажами заката,
С граненых стен глядят вожди
В лозунгах и плакатах!

Сквозит между стволов колонн
Иному миру слава,
И звон сердец, и песен звон,
И буйных глаз орава.
О, месяц! Как ты возмущен...
Спроси: где взяли право

Наполнить гомоном дворец?
И скажет людой малец:

Его построил мой отец.

Александр Жаров.

ДВА СЧАСТЬЯ

Рассказ Н. Шаповаленко.

— Герой — тот тот, кто
велик сердцем.

1.

26 февраля 1881 г.

Совещание кончилось поздно. Первым ушел Рысаков. Немного спустя Михайлов. Остались: Перовская, Желябов и хозяин квартиры, студент Гриневицкий.

В тесной комнате с наглухо завешенным окном было жарко и душно. Горела лампа под синим абажуром. На столе стоял потухший самовар и два стакана с недопитым чаем.

Гриневицкий ходил из угла в угол, по привычке нервно вскидывая головой. Желябов курил, развалившись в кресле. Перовская сидела в тени на кровати и смотрела, не отрываясь, большими, светло-серыми глазами на ярко освещенное лицо Желябова.

Молчали. Решение было принято окончательно. Все думали о предстоящем, которому должны были отдать себя, жизнь. И потому каждый понимал другого без слов.

Наконец, Желябов бросил папиросу:

— Пора, Соня!

Перовская встала, поправила белый воротничек, начала одеваться.

— Ну, Котик,—обратился Желябов к Гриневицкому,—значит, завтра ровно в девять на Тележной у Геси.

Гриневицкий кивнул головой.

— Техник прочтет вам, метальщикам, лекцию о пользовании снарядами. Я думаю, что метательными снарядами мы скорее достигнем успеха, чем подкопами. Вспомните Одессу, Александровск, Москву, подкоп в Зимнем дворце. Все они сорвались.

Гриневицкий снова кивнул головой.

Желябов с силой ударил по столу кулаком:

— На этот раз смертный приговор над царем должен быть приведен в исполнение.

— Он будет исполнен, Тарас!—ответила Перовская.

Желябов широким жестом откинул назад прядь волос.

— Партия Народной Воли была вынуждена вступить на путь террора. Мы представили правительству свои требования: покончить самоуправство и возвратить народу его естественные права. На эти требования правительство ответило казнями...

— Будем защищаться,—добавил Желябов,—вытаскивая револьвер.

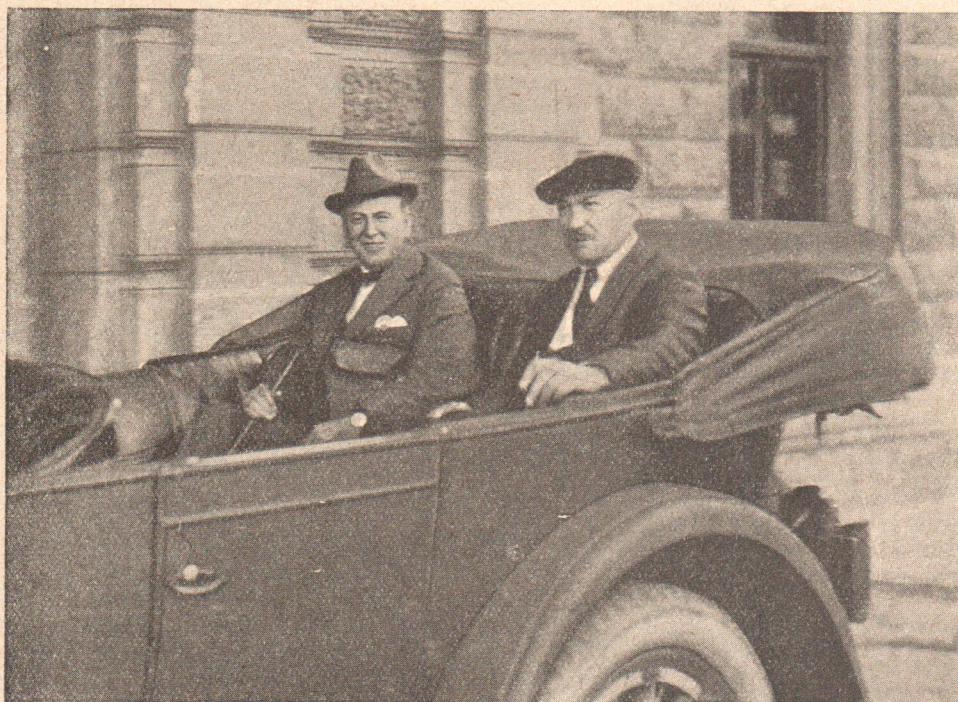
Перовская задула лампу. Гриневицкий ощупью вышел из комнаты...

Прошло несколько минут.

— Кто там?—донесся из прихожей оклик Гриневицкого.

СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКИЙ ДОГОВОР ПОДПИСАН.

Фот. В. П. Миклулина.

Х. Г. Раковский и А. Л. Шейман прибыли в Москву после подписания генерального договора с Англией.

— Такими возмутительно-несправедливыми,—прошептала Перовская,—как казнь Квятковского.

Желябов продолжал, повышая голос.

— Шесть неудавшихся покушений не образумили царя. Так пусть же он понесет справедливое возмездие: он достоин его!

— Мы все готовы быть исполнителями приговора!—воскликнул с энтузиазмом Гриневицкий.

В прихожей резко зазвенел колокольчик...

Все разом переглянулись. Желябов предостерегающе поднял руку.

— У тебя спокойно, Котик?—спросил—он Гриневицкого.

— Да...

— Главное, не горячитесь. Котик, посмотри осторожно, кто стучит. Соня, туши лампу...

За дверью зашумели. Щелкнул замок. Тишину неожиданно нарушил громкий мужской голос:

— Здесь живет Ельников?

— Да,—ответил Гриневицкий,—я—Ельников.

— Вам письмо. Получите.

Щелкнул замок.

— Ложная тревога,—объявил Желябов, пряча револьвер.

Перовская зажгла лампу. В дверях стоял Гриневицкий, с недоумением вертел в руках розовый конверт.

— Не понимаю, от кого?.. Один... Живу нелегально... По чужому паспорту.. Ельникову... Да... Странно... Очень странно...

Разорвал конверт. Внутри лежала записка.

— Дорогой,—прочел вслух Гриневицкий,—я в Петербурге. Решилась. Твоя на веки Л.

На бледных щеках Перовской выступили два красных пятна.

— Мужчина,—произнесла она медленно, глядя в упор во вспыхнувшие глаза Гриневицкого,—рядом с политической деятельностью не должен отводить места чувству любви к женщине. Иначе он не революционер... а бабник...

— Это недоразумение!—перебил Гриневицкий и сунул скомканное письмо в карман.

— В такой момент,—продолжала Перовская,—нельзя думать о личном счастье...

— Личное счастье? Я презираю его! Для меня... мое счастье неотделимо от счастья народа...

Гриневицкий тряхнул несколько раз головой и зашагал по комнате.

Желябов остановил его.

— Полно, Котик, мы верим тебе. Ты честно исполнишь революционный долг. Но смотри, не погуби нечаянно великого дела. Были примеры. До полиции дошли кое-какие слухи... Это письмо мне тоже не нравится... «Я в Петербурге... Решилась». Подозрительно... Пахнет слезкой...
 В прихожей Желябов еще раз напомнил Гриневицкому:
 — Будь осторожен... Ты человек увлекающийся...

Вышли благополучно.
 На улице чувствовалась ранняя весна. В белесоватом вечернем небе дрожали одинокие звезды.
 Перовская жадно вдохнула свежий воздух и пошла рядом с Желябовым. Сначала глаза ее пытливно вглядывались в каждого встречного. Потом, успокоившись, она перевела взгляд на Желябова. Он шел уверенной походкой, гордо подняв голову с окладистой бородой. Что-то смелое и властное было в его могучей фигуре, в острых глазах.
 — Ты давно так не говорил, как сегодня,— сказала тихо Перовская.— Я верю в успех, потому что ты с нами.
 Желябов расправил бороду.
 — Совсем забыл,— произнес он озабоченно.— Приехал с юга Тригоны. Надо зайти к нему непременно.
 Перовская нерешительно дотронулась до руки Желябова.
 — Послушай, Тарас... Поздно... Проведи вечер дома... Со мной...
 — С тобой, Соня?
 — Да.
 Желябов посмотрел на небо.
 — Ну, пожалуй. К Тригоны пойду завтра.
 Перовская сжала его руку.
 — Спасибо, Тарас!

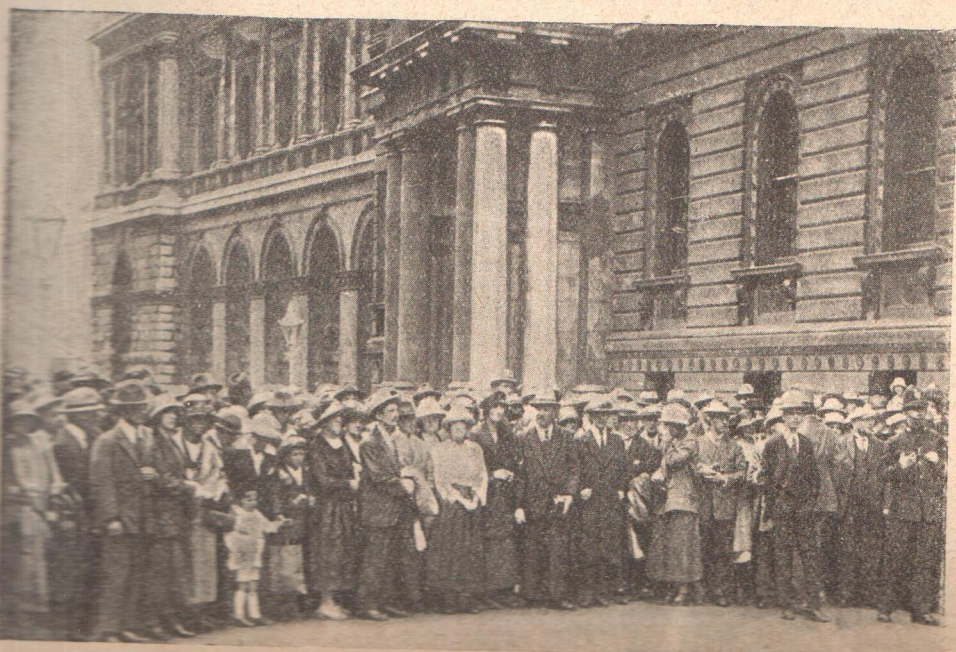
Ночью Гриневицкий сидел один и торопливо писал:
 «Александр II должен умереть. Дни его сочтены. Мне или другому придется нанести последний удар, который гулко раздастся по всей России. Он умрет, а вместе с ним умрем и мы, его враги, его убийцы. Это необходимо для дела свободы»...
 Гриневицкий откинулся на спинку стула. Задумался. Машинально вынул из кармана письмо. Расправил его. Пробежал глазами ровные строки букв. От бумаги шел сладкий запах духов.
 — Недоразумение! — произнес вслух Гриневицкий. Потом разорвал письмо, тряхнул головой и написал большими буквами наверху листа:

„Мое завещание товарищам“.

Подумал и стал продолжать:
 «Судьба обрела меня на раннюю гибель. Я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своею смертью сделаю, что должен был сделать».

Заключение англо-советского договора.

Русс-Фото.

Заключение англо-советского договора

Русс-Фото.

Английский премьер Рамзей Макдональд и товарищ министра иностранных дел Англии Артур Бэнсон при выходе из министерства иностранных дел в Лондоне после подписания англо-советского договора.

2.

27 февраля.

День пролетел в лихорадочной работе. С раннего утра Гриневицкий находился на конспиративной

квартире Геси Гельфман. Собрались все метальщики. Слушали лекцию Кибальчича. На обеденном столе лежали чертежи, склянки с кислотами, части снаряда, инструменты.

Кибальчич говорил тихим, серьезным голосом:

— В течение последних лет мною было представлено Центральному Исполнительному Комитету несколько типов метальных снарядов. Данная форма усовершенствована лишь в самое последнее время. Прищурил глаза, бросил рассеянный взгляд в сторону.

Гриневицкий нетерпеливо кашлянул.

— Сущность устройства снаряда,— продолжал Кибальчич,— состоит в том, что оловянный груз, надетый на стеклянную трубку, наполненную серной кислотой, в момент удара снаряда о какую-нибудь поверхность разламывает трубку. Серная кислота, вытекая, зажигает прикрепленный к трубке стопин. По стопину огонь передается к запалу с гремучей ртутью, которая, взрываясь, сообщает взрыв патрону. От него взрыв передается гремучему студню... Теперь нам предстоит познакомиться подробно с деталями...

Кибальчич долго и много чертил, делал расчеты, опыты.

— Завтра,— сказал он в заключение,— будет закончен пробный снаряд. Мы произведем опыт его годности. Прошу всех присутствовать... Впрочем я лично не придаю большого значения метальщикам советского

Л. Б. Каменев на Кавказе.

Фот. Д. Я. «Огонька»

Л. Б. Каменев среди закавказских работников.

Они могут служить только, как помощь основному удару...

Эти слова вывели из терпения Гриневицкого. С самого начала лекции он был недоволен ее отечеченностью и сдерживал себя до последней минуты.

— Я верю только в метательные снаряды—перебил он лектора.

Кибальчич прищурился.

— Я говорю, как специалист-техник.

— Можно подумать, что мы находимся не на собрании революционеров, а на лекции старого немецкого профессора. Дайте нам достаточное количество метательных снарядов. Мы сделаем дело. Я ручаюсь за успех. Ручаюсь!

— Тарас тоже за снаряды!—подтвердили остальные метальщики.

Когда смолкли возбужденные голоса, Кибальчич произнес спокойно:

— Все же я считаю иллюзией покушение на царя посредством одних метательных снарядов...

Днем вели наблюдение за выездом царя.

Все произошло, как обычно. В половине второго царь проехал из Зимнего дворца в Летний сад. Через час его карета пронеслась к Михайловскому дворцу. Там царь пробыл около часа. Домой возвратился по набережной Екатерининского канала.

При повороте на набережную кучер сдержал лошадей. Карета медленно проехала мимо наблюдателей.

— Вот удобное место,—шепнула Перовская Гриневицкому.

Он кивнул головой...

Остаток дня Гриневицкий провел в тайной типографии. Срочно набирали прокламации и очередной номер Народной Воли.

Зашел Исаев. Сообщил, что на Малой Садовой на пути царя с воскресных парадов—готов подкоп. Остается подвести мину.

— О подкове не говори никому,—добавил он таинственно.—Сегодня за Саблинным гнались полицейские по всей Садовой. Едва ускакал на лихаче. Полиция готовит что-то. Метальщики не должны знать о подкове. Особенно этот Рысаков...

— Я умею скрывать партийные тайны!—ответил резко Гриневицкий,—за Рысакова же ручается Тарас...

Домой Гриневицкий возвращался поздно. От усталости едва шел. Болели руки и ноги. Смыкались веки глаз.

— А о вас, барин, наведывались,—протянул с хитрой усмешкой дворник в воротах.

Гриневицкий вздрогнул.

— Да-с. Два раза приходили. Спрашивали-с.

— Кто?

— Не знаем-с. Не говорили.

Г. Е. Зиновьев на Кавказе.

От пятигорского корр. «Огонька».

Фот. Коломенский.

Группа членов Ленинградского Совета с Г. Е. Зиновьевым и Демьяном Бедным на Красных Камнях в Кисловодске около скульптуры «Голова Ленина».

— Уйти или нет?—пронеслось в голове Гриневицкого.—Уйти—возбудить подозрение. А вдруг в квартире засада?

— Что же вы? Пожалуйте-с. Пора за-пирать.

Гриневицкий сделал шаг вперед. Тотчас за его спиной с шумом захлопнулись ворота.

— А, была не была!—решил Гриневицкий,—все равно не убегу,—едва волочу ноги.

Поднимался по лестнице осторожно, готовый на каждом повороте столкнуться с полицейскими.

Все было спокойно.

Отпер дверь, вошел в квартиру, опустился на диван и сказал:

— Отдохну немного и уйду

И сразу заснул крепким сном.

3.

28 февраля.

До Смольного ехали на конке. Снаряд вез Кибальчич. Завернул в узелок и держал на коленях.

По дороге пристал подозрительный субъект, от которого сильно пахло водкой.

— Ишь ты! За город? Масляную спра-влять. От меня не скроешь. Я эти самые дела за три версты чую.

Кибальчич повернулся к субъекту спиной.

— Да ты не отворачивайся. Все едино-звем. Что у тебя в узелке? Бу-ты-лочка! Ну, покажь, коль вру? Покажь? Покажь?..

Потянулся к снаряду. Гриневицкий встал перед Кибальчичем.

— Эй, откуда вырос! Что надоть? Отвечай, черт! Что рыло то задираешь. Убирайся! Слышь, узелок, где ты? Езжай ко мне на Охту. Я тебе самый товарищ, потому всю масляную, можно сказать, в запое нахожусь. Тыфу, ты чертова курица! Да что ты, дьявол, торчишь, как кол, передо мной? Э-э, брат, постой! Я тебя, кажись, знаю... Не ты ль у меня вчерась на Возне-сенском в пивной часы спер?..

Советский флот в Норвегии.

Русс-Фото.

Кибальчич прищурил глаза. Он снова был спокоен.

— Завтра узнаете постановление Центрального Комитета... Старайтесь не ходить в такие места, где можно быть арестованным. В подобные минуты аресты как-то возможны.

Все ушли. Задержался один Гриневицкий. — Хочу,—сказал он, прощаясь, Кибальчичу,—пойти в типографию докончить набор газеты.

— Иди домой, Котик,—раздалось за спиной Гриневицкого. Он обернулся и столкнулся с Перовской. Ее вид поразил его.

— Отдохни. Тебе надо быть сильным.

Она заплакала. Опустилась на стул.

— Дело в том, что арестован Тарас...

— Тарас?!—повторил Гриневицкий.

— На Садовой был обыск.—К счастью, кажется, ничего не нашли.

Она стиснула руки.

— Надо действовать как можно скорее.

План Тараса должен быть приведен в исполнение во что бы то ни стало. Завтра же. Немедленно.

— Я готов!

— сказал твердо Гриневицкий.

Заторопилась.

— Через час экстренное собрание Исполнительного Комитета...

Уходя пожала руку Гриневицкому.

— Дорогой Котик... береги себя...

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Улицы были безлюдны и безмолвны.

Два крейсера, знаменитая «Аврора» и «Комсомолец» посетили Норвегию, порт Берген. В третью Советскую эскадру полпред СССР тов. А. М. Коллонтай передала ордена Красного Знамени отличившимся красным морякам. Н. верху—крейсер «Аврора» и идет к Бергену.

Ниже—А. М. Коллонтай (с букетом цветов), выехавшая на катере встретить красную эскадру.

Внизу—командиры и комиссары крейсеров «Авроры» и «Комсомолец» на берегу Бергена.

Только в сумерках вернулись на конспиративную квартиру Геси Гельфман.

Долго ждали Желябова. Рысаков нервничал, ворчал. Кто-то пришел. Вызвали в прихожую Кибальчича. Зашептались. Желябова все не было.

Наконец появилась Гесья и объявила:

— Тарас не придет.

— Черт знает что такое! Издевательство!—воскликнул Рысаков. Мы ждем два часа!

Гесья остановила его:

— Если Тараса нет, то значит, он занят.

Вошел Кибальчич.

— Надо разойтись, товарищи,—сказал он непривычно взволнованным голосом.—Соберитесь завтра утром. Предстоит большое дело.

— Покушение?—спросили в один голос металлурги.

— Нахал!—вспылил Гриневицкий, забывая осторожность.—Как ты смеешь?!

2 — Похож... Нет, брат, ты не брыкайся! Теперь разговор пойдет другой—Стойте, кондуктор! Города...

— Уходи,—шепнул Кибальчич Гриневицкому. Соскочили с конки на ходу среди криков и полицейских свистков. Скрылись переулками. Успокоились только тогда, когда перешли по льду Невы.

Кибальчич сказал Гриневицкому:

— Переодетый шпион. За тобой слежка, Котик.

Гриневицкий кивнул головой.

— Я обратил внимание.

От Невы двинулись по направлению к лесу, обходя Охоту, чтобы поменьше встречать людей. Ноги вязли в талом снегу; начиналась весенняя распутица.

Зашли далеко. Остановились. Место было пустынное. Со всех сторон стеной окружал лес. Кибальчич осторожно развязал сверток, вынул снаряд и передал Михайлову.

Разбежались. Михайлов размахнулся и швырнул далеко от себя снаряд. Раздался взрыв. Облако серого дыма взвилось к небу.

Сбежались. Кибальчич долго рассматривал остатки снаряда.

— Опыт дал удовлетворительный результат—объявил он металлургам.

Вожь ирландских республиканцев де-Валера.

Русс-Фото.

Де-Валера впервые после своего выхода из тюрьмы, где он провел около года, выступил на днях на митинге в Ирландском городе. Этим же, на том самом месте, где он когда-то был арестован. Сказать де-Валера собралось около 20 000 чел. Де-Валера заявил, что републиканцы стоят на пути к свободе и что Ирландия и Франция не откажутся от раскрепощенных сердец.

Германская делегация на Лондонской конференции.

Русс-Фото.

16-го августа после заключительной церемонии закрылась Лондонская межсоюзная конференция. На нашем снимке — германская делегация во главе с председателем германским рейхсканцлером доктором Марксом при выезде из министерства иностранных дел в Лондоне. Третий слева — министр иностранных дел Гертинг, крайний справа — министр финансов Лютер.

читать с царем, — страстно прошептал Гриневицкий и остановился. Внимательно осмотрелся кругом...

Симбирская улица. Он не заметил, как прошел весь длинный путь. Мертвая тишина.

— Береги себя, Котик, — прозвучали в его ушах последние слова Перовской.

Вспомнились подозрительные вопросы незнакомцев у дворника, странное письмо, полученное недавно по почте, столкновение с пьяным в конке.

— Хитрят. Слезка.

Гриневицкий прошел мимо своего дома. Бросил незаметно испытующий взгляд: никого, ворота приоткрыты, потушены в окнах огни.

— Прочь, — решил Гриневицкий и снова остановился.

— А как же завещание, письма? В случае моего ареста завтра, все это попадет в руки полиции. Нет, необходимо забрать бумаги.

Повернул обратно. Заглянул осторожно в ворота. Спокойно. Вошел в подъезд. На лестнице было темно. Стал подниматься.

Шаги приближались, простучали мимо двери, поднялись выше, замерли.

Гриневицкий вздохнул с облегчением.

— Вот как ты меня принимаешь! — протянул кто-то жалобно, по-детски.

Гриневицкий зажгет лампу и чуть не выронил ее из рук. На полу, прижавшись к стене, горько плакала молодая девушка.

— Вот как, вот как, — твердила она, — вот как.

И сразу замолчала, взглянув на

Ощупью. Поднялся. Отпер дверь и вдруг заметил в углу площадки у окна притаившегося человека.

— Кто здесь?

Никто не ответил.

— Кто здесь? — повторил громко Гриневицкий.

На дворе застучали шаги. Человек зашевелился.

— Закричит. Выдаст, — пронеслось в голове Гриневицкого.

Он бросился вперед, толкнул незнакомца в свою квартиру, запер дверь.

— Малейшее движение и я убью тебя, — прошептал он в темноту.

— Говорите ясней.

— Я приехала... из Симбирска к тете. — Я — я думала, что вы, что поручик Ельников в Петербурге. В адресном столе мне сказали адрес... Ельникова, т.е. ваш — я написала, чтобы предупредить — как мы условились.

— Ну?

— И вот — и вот — я убежала тайно от тети к вам, к Ельникову. Нет. Боже мой, какая ужасная ошибка! Она зарыдала, ломая руки. — Какая ужасная ошибка! Какая ужасная.

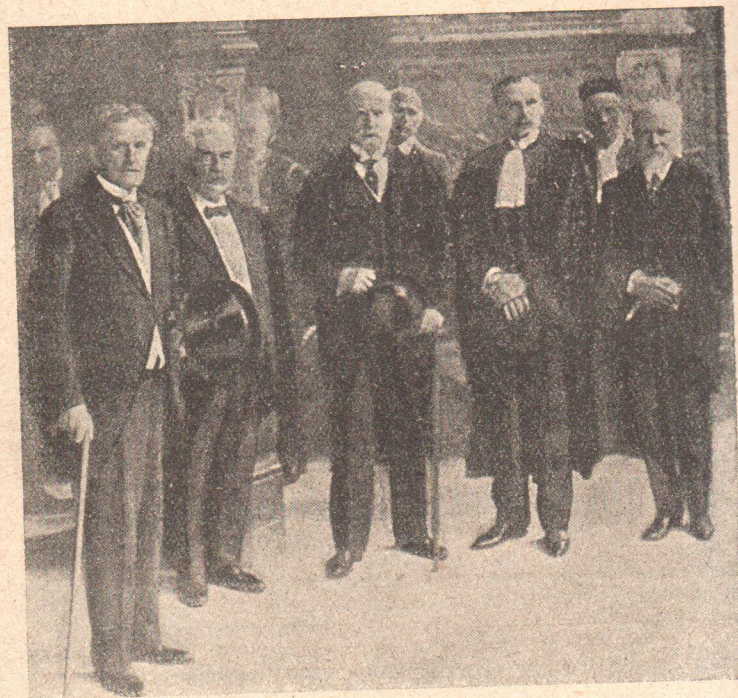
— Послушайте, — остановил ее Гриневицкий, — мне некогда допытываться, правда или нет ваша история. Знайте: Я — Ельников. Поняли: Ельников! Горе вам, если хоть один человек узнает о нашей встрече.

Он торопливо собрал бумаги, схватил пальто и фуражку.

— Сидите полчаса, не двигаясь, не произнося ни слова. Потом уходите на все четыре

Америка и Франция против СССР.

Русс-Фото.

Во время пребывания Юза в Париже, он был приглашен на «банкет адвокатов». В Париже Юз успел расширить секретное соглашение между Францией и Америкой по отношению к СССР. Слева направо: Миро, Геррик, Мильеран, Юз, Фуркад и Пуанкаре.

Интернациональный конгрессе желтых союзов горнорабочих.

Русс-Фото.

В Праге состоялся интернациональный конгресс горнорабочих, в котором приняло участие 122 делегата 13-ти государств. Революционные профсоюзные организации и Интерну, создали в Гамбурге своих представителей.

Гриневицкого. Ее глаза расширились.

— К-кто вы?

— Я — Ельников!

— Н-нет. Вы, вы — не Ельников. Нет. Вы, вы — другой. Вы не поручик Ельников.

— Я — Ельников.

— Вы?

— Да, — тверпроизнес Гриневицкий, — Что вам надо?

Она беспомощно прижала руки к груди.

— Я пришла к вам.

— Ко мне?!

— Да, то есть нет, к поручику Ельникову.

стороны. И молчите. Молчите, если вы дорога жизнь!

На улице, заворачивая в темный переулочек, Гриневицкий улыбнулся.

— Кажется удачно. Тоже хороши наши паспорта поручика. Черт знает, что такое! Хорошо, что сумел удрать.

4.

1-го марта.

В последнюю минуту пришлось не строиться: царь изменил маршрут. Было ясно, что надежды на подкуп потеряны. Оставались метальщики.

Гриневицкий стоял у решетки Екаринского канала и ждал условленного сигнала от Перовской. Шагах в тридцать от себя он увидел Рысакова. На его лице висел увелок с бомбой.

На набережной канала было безлюдно. От Невского шел мальчик с корзиной в голове. Двое рабочих тащили кушетку. Спешила толстая женщина в платке. И военный фельдшер. У ворот сада ствахтер и лениво беседовал с дворником. До Гриневицкого доносились отдельные слова.

— Нагнали полиция видимо-невидимо по всем улицам, а вот здесь поставили бабыли. Порядки! Неровен час, сицилист подвернется.

— Что вы, Евграф Кузмич? Зачем же здесь? По этим местам царь никогда не ходит.

— Во-первых—ездил, а во-вторых может поехать. Да вон, что это? Никак сам царь?

Гриневицкий повернул голову. С другой стороны канала Перовская махала платком.

Сердце Гриневицкого сжалось.

— Только бы удалось!

Из-за угла вылетела знакомая карета царя. Рысаков побежал. Раздался взрыв. Волна теплого воздуха слегка толкнула Гриневицкого.

Карета остановилась. Кто-то закричал, пронзительно-дику. Пронеслась обезумевшая лошадь. За ее гриву цеплялся окровавленный казак. Густой серый дым заволол набережную.

— Удалось!—сказал про себя Гриневицкий, сжимая трясушимися руками снаряд.

Лиза Турцевич возвращалась с воскресного гулянья по дворцовой набережной. Сзади нее шла тетушка—генеральша Акимова и полковник фон-Шлиппенберг.

Возле Екатерининского канала их неожиданно окружила толпа. Скакали конные солдаты, бежали офицеры, визжали женщины и дети. Полицейские гнали народ.

Полковник фон-Шлиппенберг тоже побежал. Лизу и генеральшу прижали к решетке моста.

В толпе передавали ужасные вести.

— Покушение на государя! Злодей бросил две бомбы! Одного поймали! Другой убит.

Потом все смолкло. Толпа расступилась. Мужчины снимали шляпы. Женщины крестились.

Проехали сани с царем. Он лежал, завернутый в шинели, на руках у офицера и двух казаков.

У Лизы на глаза набежали слезы. Ноги—затряслись от волнения. Вдруг толпа зарокотала, как море.—Убийца! Убийца! Злодей!

Лиза взглянула и застыла. Через возбужденную толпу медленно двигались

Белый террор в Польше.

От варшавского корреспондента «Огонька».

Тов. Виктор Бельский, член Варшавского Комитета Коммунистической Партии Польши, убит Пелеевскими дружинниками в улице Лешно после митинга, который был собран рабочими.

сани, окруженные солдатами. В них лежал убийца. Ледя ужас сжал Лизино сердце. Она вскрикнула и потеряла сознание...

— Да иди же ты Иди—твердила разгневанная генеральша, толкая Лизу.—Наказание с этими девицами!

— Не извольте волноваться, ваше превосходительство,—гудел полковник фон-Шлиппенберг, протискиваясь с дамами через толпу,—Сюда, прошу за мной. Туда нельзя: оцеплено войсками. Пройдем через Марсово поле. Прощу.

— Нет, милая моя, завтра же возвращаю тебя матери в Симбирск. Спасибо. Ты своеловная, капризная, испорченная девченка! Да иди же

Английские рабочие-студенты в Москве.

Фот. С. Тулеса.

Английские рабочие-студенты на заводе «Серп и Молот». В центре красный директор завода т. Калинин.

А кругом уже шумели бесчисленные толпы. Со всех сторон бежали испуганные люди. Перекликались тревожные полицейские свистки.

Дым рассеивался. Гриневицкий пошел вперед. Народ у кареты расступился, и он неожиданно увидел перед собой царя.

— Жив!—чуть не крикнул Гриневицкий.

Александр направлялся к саням. Внезапно бежал полицейстер. Гриневицкий остановился. Остановился и царь.

— Скорей!—приказал внутренний голос Гриневицкому.

Он утвердительно кивнул головой и со своей силой бросил снаряд между собой и царем.

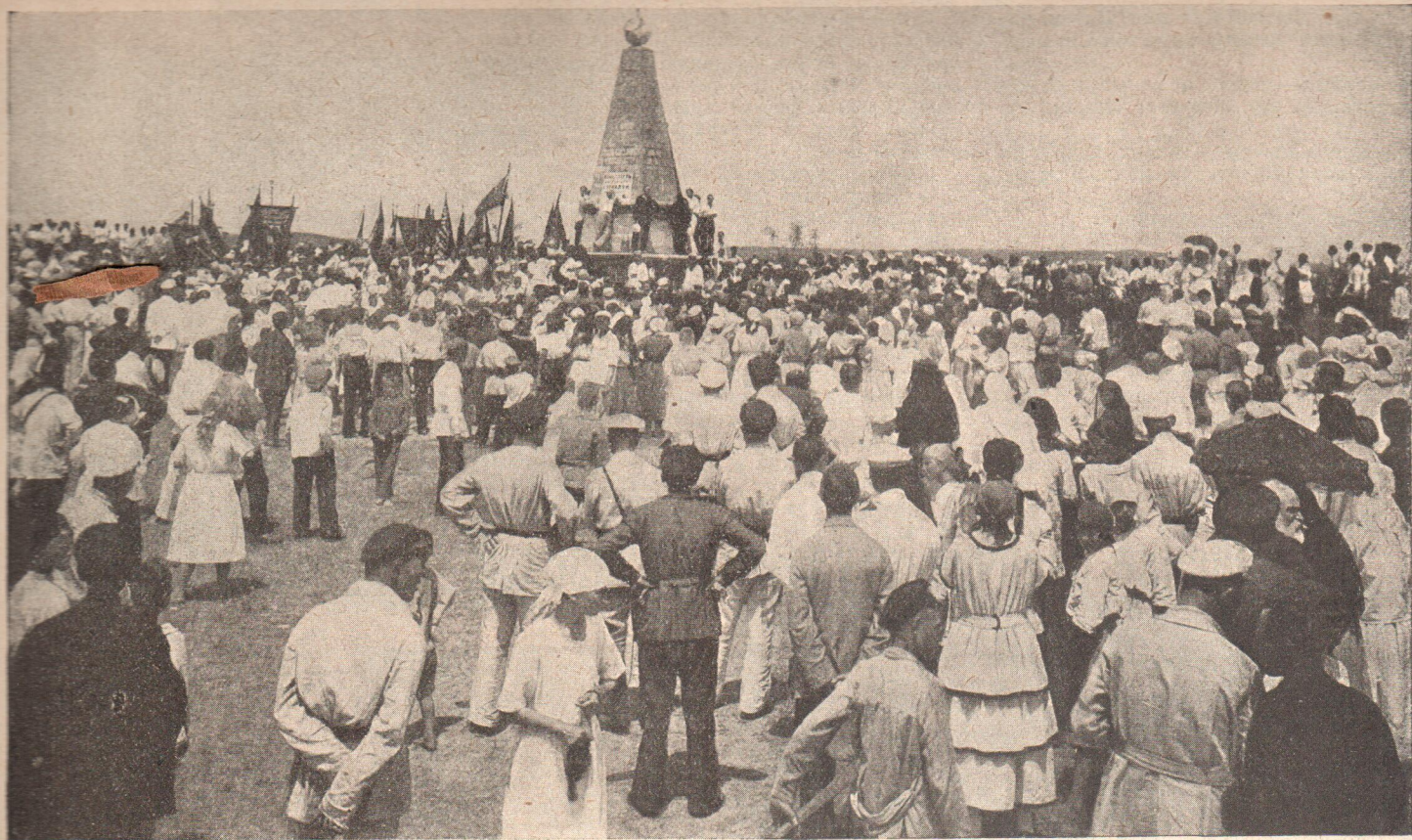
Гриневицкий пришел в себя скоро. Он не мог двинуться. Приоткрыв уцелевший глаз, он сразу увидел то, что так страстно хотел увидеть. У решетки, возле электрического фонаря полусидел царь, влиная кровь. Одежда и тело висели на нем крючком.

— Убит!—задышавшись от счастья прошептал Гриневицкий...

Английские рабочие-студенты в редакции «Огонька».

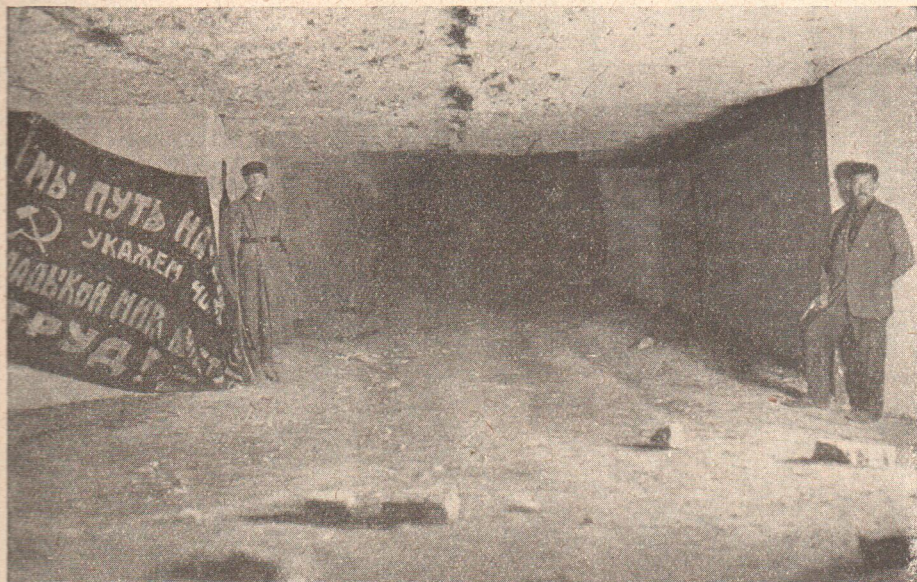

В дни белого террора в городе Керчи, в больших подземных каменоломнях скрывались подпольные работники - революционеры. Здесь в таких тяжелых условиях было до 2-х тысяч человек, которые всячески терроризовали белых. В мае 1919 г. вся группа красных повстанцев выступила против белых. Английская эскадра, стывшая в то время в Керчи, присоединилась к обороне белых, и, таким образом, белые подавили восстание. В эти дни было расстреляно и замучено белыми до 1650 человек. На днях был торжественно открыт памятник погибшим.

Где скрывались красные повстанцы.

Ф.т. Берштейн.

Вход в каменоломни, где скрывались повстанцы.

ты как следует, наконец! Нет, вы только подумайте, полковник, что она выкинула вчера! Изволила одна, без горничной, гулять до двух часов ночи. Какова? До двух часов ночи и без горничной! По незнакомому городу! Вот как теперь воспитывают в наших институтах. Да иди же! Чего ты остановилась?

Лиза оглянулась по сторонам. Кругом возвышались ярко расписанные стены маляничных балаганов. Длиннобородые старики, белые клоуны, арлекины, шуты, арапы строили со всех сторон уморительные рожи. Заливалась шарманка, звенели бубны, гудел барабан. Где-то близко смеялись бесчисленные голоса...

Лизе показалось, точно она проснулась после кошмарного сна. Ощущение безумного счастья захватило ее всю.

— Никто никогда не узнает, что она была у убийцы. Никто никогда. Ее отправят домой, в Симбирск. Она свободна! Спасена!

Лиза наклонилась к недовольному лицу генеральши и рассмеялась.

— Ах, ma tante, как я счастлива!.

Н. Шаповаленко.

1924 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ

В. Наседкина.

В поле следы незнакомые.
С поля бежит тишина.
Новую песнь о соломе
Нам не пора ль начинать.
Дробные стучи бросая,
Вот он, взрывающий глушь!
Плачет, смеется босая

Русь, утопившая мглу
Что ж, и какое ей дело,
Если кровавился путь?
Ныне с полем помертвевших
Нам удалось повернуть.
Тонкие дали прорезав,
Пейте закат и восток.

В царстве травы и железа
Будет ли кто одинок.
Будет ли место раздорам:
Брат мой индус и калмык.
В благословенных просторах
В общий сольемся язык.

В. Наседкин.

Село Грузино с реки Волхов.

Аракчеевская вотчина

Очерк Л. М. Василевского.

Среди обломков царской старины, в которых веет нашим проклятым прошлым, одно из важнейших мест занимает так называемая «Аракчеевская вотчина» в с. Грузине, Новгородской губ. Через несколько месяцев, в самом начале 1925 г. наступает, некоторым образом, аракчеевский «юбилей» — и это дает внешний повод остановиться на любопытном памятнике александровской эпохи.

Аракчеев был, повидимому, искренне и по-рабски фанатично предан своему благодетелю и другу, Александру I: по поводу в Грузине мелькает на фронтонах дворцов, его девиз в гербе, придуманный Александром: «Без лести предан»; впрочем, еще в те времена многие ядовито переиначивали этот девиз в «Без лести предан».

Смерть покровителя так потрясла Аракчеева, что он положил в госуд. банк крупный капитал с тем, что к столетию со дня смерти императора, в 1925 г., Академия Наук должна выдать возросший капитал автору наилучшей истории царствования Александра.

Об этом завещании Академия Наук вспомнила еще во время войны, в 1916 г., когда капитал достиг внушительной суммы в 840.000 р.; какова судьба этих денег, сейчас неизвестно. Но никому, разумеется, и в голову не приходит мысль о выполнении завещания.

С. Грузино до сих пор еще насыщено материальными памятниками аракчеевской эпохи: зимний и летний дворец, собор, чудесная колоннада Андрея Первозванного,

остатки очаровательной, Елизаветинской по стилю, металлической ограды, поминальные вазы и статуи в столетнем парке. Еще любопытнее живой обломок прошлого, современница Аракчеева, Наполеона и Александра I крестьянка Анна Старшинова, родившаяся в 1809 г. Я знал ее несколько лет тому назад еще бодрой, крепкой старушкой. За две версты из села она приходила в собор помолиться и оттуда одна без посторонней помощи — ко мне «чайку попить».

Она живо помнит «француза», помнит себя семилетней девочкой, крепостной на аракчеевском огороде, когда ее, случилось, секли за невыполненный «урок» и до сих пор еще сохра-

Современница Аракчеева, Анна Старшинова. Родилась в 1809 г.

нила чисто «женский» интерес к новой кофточке и к новому платочку на голове. Спокойно, неторопливо рассказывает она часами о столетней старине, о зверствах самого графа, его долголетней любовницы, жестокой, распутной и вечно пьяной Натасьи Минкиной.

Интересна и гибель самой Минкиной «второй Салтычихи», как ее называли в народе. Жестокость этой женщины не имела границ, и под землей возле ее дома и домов ее приближенных — (мне как раз случилось жить в ее бывшем домике на т. наз. «Невском проспекте») в Грузине тлеет, по словам старожилов, много костей замученных ее крепостных девушек.

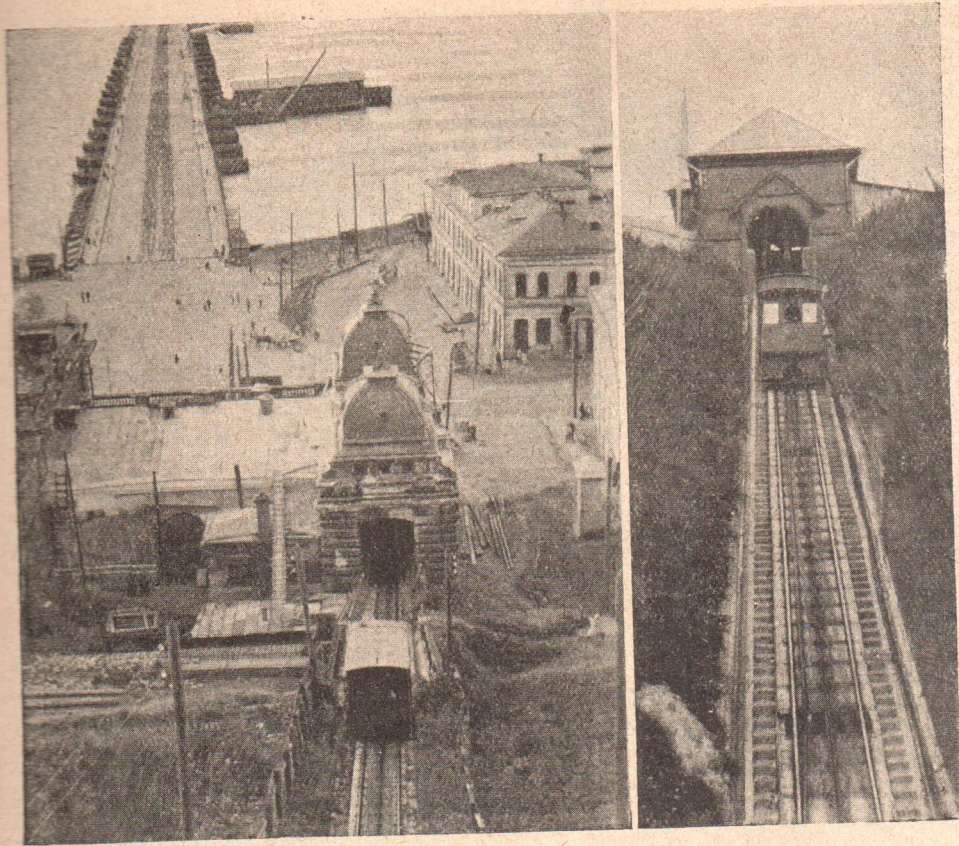
Однажды крепостная горничная имела «дерзость» подать ей слишком горяче-

Собор в селе Грузине.

Подъемники в Нижнем-Новгороде.

Фот. В. П. Микулина.

Самый город Нижний-Новгород расположен над высокой приречной частью, в которой находится пристань, вокзал и рынок. Для облегчения сообщения устроен в двух местах подъемник-элеватор. Вагончики элеватора отправляются вверх и вниз каждые пять минут и быстро и удобно поднимают публику в центральную часть города.

щицы для завивки, и барыня стала ими прижигать лицо и тело несчастной. Вопли истязуемой услышал ее брат поваренок на кухне, Василий, он бросился с топором и зарубил Минкину на смерть, расплатившись таким образом с нею за всех, кого она истязала и мучила. Последовала, разумеется, жесточайшая расправа: верный друг убитой, опиротевший граф, засек

на смерть несколько десятков грузинских рабынь и рабов, с Василием, в первую очередь.

Не было пределов верному, дружескому сочувствию Александра I к горю, постигшему его верного рыцаря. И сам, и через архимандрита Фотия он в трогательных письмах старался его утешить, называя грязную и распутную пьяницу «великомуче-

ницей» и жизнь ее «подвигом». А холопская церковь поспешила причислить Минкину к «лику святых».

Впрочем, Аракчеев еще при жизни этой «мученицы» возвел ее в высокий божественный ранг: на одной из икон богоматери, имеющейся в соборе, лику богоматери придано явственное сходство с лицом Минкиной. «Благочестие» графа не помешало ему также поместить на другой иконе того же собора, слегка замаскировав это, лицо и фигуру императора, а на другом памятнике в том же Грузине красуется и его собственное лицо тупого вахмистра.

Сторожилы Грузина и ближнего села этого же имени до сих пор сохранили бездну любопытных рассказов из аракеевских времен. В особенности живо среди них воспоминание о знаменитых «военных поселениях» (в Новгород. и в Харьков. губ.). Это был предел бездушной опеки, бесчеловечного издевательства, маньяческого педантизма и мелочности.

Для этих поселений круто и бессмысленно ломали все: в лютую стужу и в проливной дождь выкорчевывали леса, прокладывали дороги, посыпали щебнем, сносили даже часовни и кладбища.

Если раб, вернувшись вечером с поля, не сам уберет лошадь, а попросит соседа—порка, порка за малейший промах, за ничтожное проявление личности. Был у Аракчеева архитектор, некий Минута, он нещадно порол крестьян даже за то, что они исправно работали.—«Ты нарочно при мне работаешь, а как я спущу тебя с глаз—наврное лодырь лодырем». И свистала плеть, и полосовалось, заливалось кровью несчастное тело.

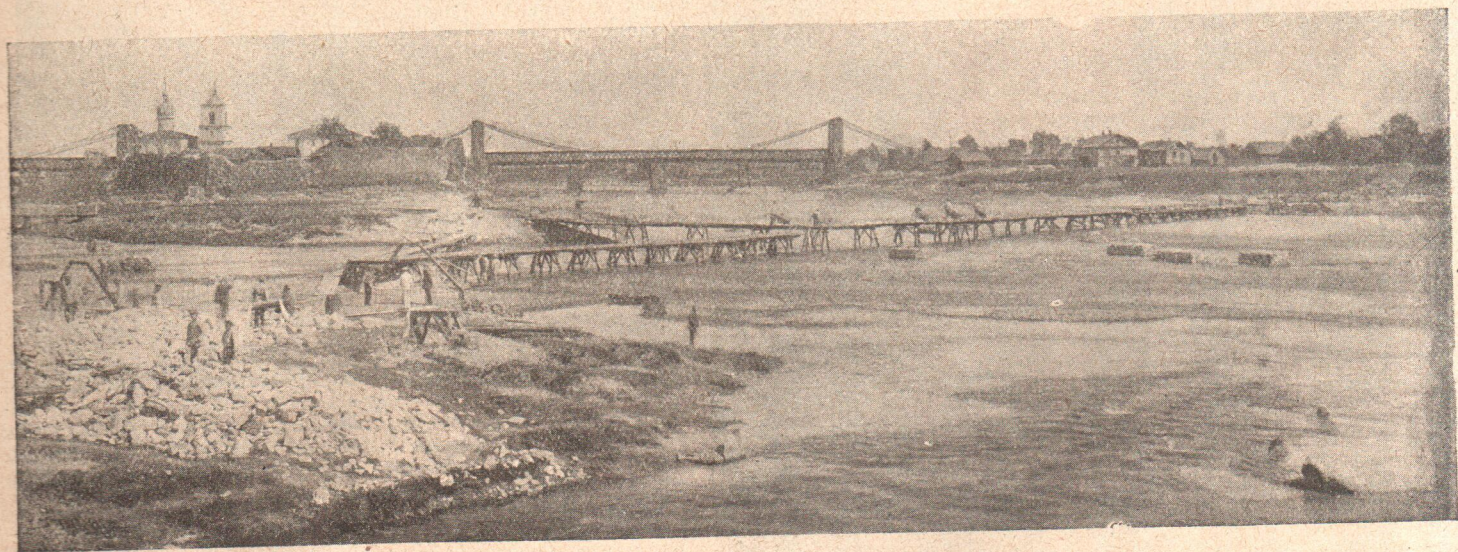
Наконец, терпение крестьян истощилось, и почти одновременно в военных поселениях—и на севере, и на юге—вспыхнуло народное возмущение, загорелся бунт. Конечно, бунт был подавлен с ужасающей суровостью военной силой: до 2000 жертв пало в этой расправе.

В Грузинском парке, в памяти стариков крестьян до сих пор еще живет много колоритных кусочков этого проклятого прошлого, и было бы очень кстати, к столетию аракеевского завещания об Александре «Благословенном» зафиксировать в отдельной книжке эти ужасы, от которых нас отделяет одна только сотня лет.

Л. Василевский.

Электрификация на окраинах.

От Островского корреспондента «Огонька».

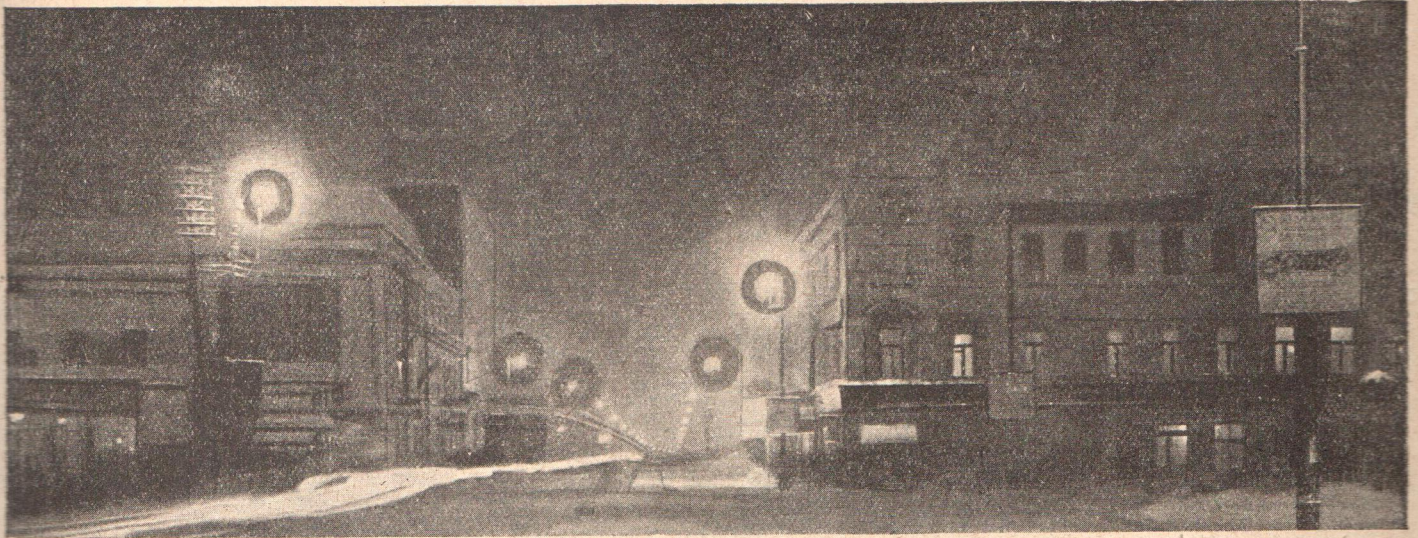
Общий вид работ на плотине гидро-электрической станции на реке Великой.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Цена отд. №—15 коп.

„Огонек“

В месяц—50 коп.

С 1 сентября возобновляется электрическое и газовое освещение улиц Москвы. На нашем-ночном снимке—часть Страстной площади и Тверская ул.

УТОПИЯ.

Рассказ С. Вашенцева.

1.

Нескладное это животное—петух. Вот, говорят, точность его лучше часов мозерских. Никак этому невозможно поверить. Часы, скажем, мои десятый год служат, а по ходу—Германия или там Америка. Достались, кроме всего, они мне дешево. У барина на трамвае я их отцепил. Так вышло складно, что ни он не заметил, а я с часами Мозер на 14 камнях.

А петух зря поет.

Вторым петухам когда, спрошу, петь? В третьем часу не знает: по должности людей будить. Только больше это для деревни. В городах зачем петухов держат—не пойму.

Поет он вот сейчас и врет. В третьем часу, говорю, надо, а сейчас по моим 12 часов и 45 минут по полуночи. Есть это беспорядок. Феодализм, а так полагаю, это—держат петухов в городах.

Собрал я сегодня всех на ших. По часам моим без пяти в час, а смежи по петушину крику—получается ошибка.

Мать Желудь пришел. Андрей Крызов. Яшка Слюна. Никита. Петр Хромой. Надья Гускина. Ваня Тамышин.

— Зачем, говорят, ты скли-вал?

— Мысль у меня есть, отличная. Совета нужно. Вроде дружно хочу показать.

И как предлагаю так: состою я в годах с 13 лет. И как по справедливости всегда честно и полюбовно. Никого чтобы обидеть ударом. Отдай и мне—вот какой я. Думу при том не так с измальства. Гудит эта дума во мне, как шпатель—наружу просилась. А я не пускал.—Молчи, говорю, дура. Поторопиться—ничего лучшего не выйдет.

Делать в таком виде до конца никак. Пятьдесят один мне теперь. Больше, выходит, не могу. Обнаружение требую.

Теперь спрошу. Справедливо лишек, как сев Николай Толстой велел Враки.

Загубляем жизнь по невежеству культуры. Полагаю я в мыслях, что это от начальства все—низвержение человека. От властей. И хочу по плану. Пункты у меня есть, чтобы без начальства постройку жизни соорудить.

Ванька Тамышин на мои такие слова говорит:

— Анархизм это, дядя Дыня!

Я ему:

— Нашелся умен, а пришел последним.

Что же не знаю я твое анархизма. Эжось. Хошь бы и анархизм—какое в том дело, коль я его по-своему удумал. Умен, говорю, больно.

Ванька засмеялся, а мне обидно очень. — Мирно, говорю, и есть. И линия значит министерская. Да сгнило.

Ванька тут кладет руку за пазуху и кричит:

— Ножа захотел. Сейчас...

Я как есть в сторону, а все вскочили.

Ленинские уголки в жилищных т-вах.

Фот. С. Алмазов-Маневич.

До сих пор все наши общественные начинания группировались около предприятий и учреждений. Т. обр. целый ряд категорий—безработные, дом шине праслуги, рабочие и служащие мелких предприятий оставались в стороне от общественной работы. 10-го августа состоялось открытие Ленинского уголка в Москве в доме № 2/3 по Таганскому проезду. Редакция «Жилищного Товарищества» совместно с 10-м отделом Дворцов было правителем культурно-вые шефство над делами дома.

БИБЛИОТЕКА „Огонька“

АДОЛЬФ РИФЛИНГ

НОВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

(ПЕРЕВОД
С
РУКОПИСИ)

МОСКВА
Изд. „МОСПОЛИГРАФ“
1924

Одна из книжек библиотеки „Огонька“, которая вы идет в сентябре) с г. Книжки Библиотеки „Огонька“ будут выходить еженедельно. Подробности—см. объявление на 14 стр. настоящего номера

Сказать тут, что Ванька сын министра бывшего. Папаша его по внутренним делам состоял. Да убили, а сынок вот у нас. Прозвали было его сначала Министром. Он за это прозвище одного ножом. С тех пор побаиваются—не зовут.

— Утопия моя, говорю, есть человекоопасение в пунктах. Враг человек себе, а человеку лютейший враг и недруг — власть. А того не намечено, как с властью поступить. И тоже Лев Николаич, такая голова — земной шар, не додумал, как разрешение вопроса произвест, что с моей точки есть минус. А по-моему, говорю, по пунктам. Ежели по первому, то разделение властей от народа.

По пункту первому — отчего это мир торчком? К начальству которые люди, предрасположены, — от

них. Тут их хоть убей — а корней пагубных не вынешь. Как есть меж зверей лев, и есть заяц. Бактерия такая в животе у них — инфузор. Которые доктора искали, брюхо крошили, а нет. Бросили. Не найти, говорят, зря пророемся.

Я то скажу, не там рылись. Бактер этот никак не в животе; кроется он в правом бочку, пониже живота. Сон мне был такой. Приходит ко мне человек светлый.

— Я, говорит, нашел, Дыня!

— Где, говорю.

— В самом нежном месте.

И скрылся тогда же. А самое нежное место, известно, пах.

Хотел к доктору итти, да думаю — все равно не найдут. Наука тоже сказать, извините.

Решение мое по пункту второму. До тех пор праведной жизни не будет, как скажут люди властям:

— Вы по себе живите, а мы по себе. Есть в вас червяк-инфузор. Мы это понимаем, что обижены вы богом. Все-то вам рыпаться. А только мы от вас отделимся.

И еще скажут:

— Чтоб не сумлевались вы, господа хорошие, прокормление ваше берем на себя. И как автомобильное нонче время и, скажу прямо, аэроплановой, по уважению и аэропланы дадим вам и все. Словом сказать, живите по-прежнему.

И еще скажут:

— И дома, которые понравятся, берите. Учреждениям там всяких уделывайте по надобности. Мы ничего. Мы что ж понимаем, без эстова самого вам нельзя. А только, чтоб тихо это было; нас не беспокойте. Потому много нас; зайцами родились, баранами, коровами... Вместе все мы хотим, нам это сподручнее.

По пункту третьему настанет тогда Тернационал.

— Как ежели думаете по поводу, спрашиваю.

Хромой тогда мне:

— Насчет нашей профессии не сказано. Как будет?

По разному, отвечаю. Коли кто к властям подручен — автомобиль получай. Больше которые у нас останутся — ну ее к шуту власть. Работать хотим. 38 лет я в ворах, а все-то думаю — плужок бы мне, соху — работать стал бы. От несправедливости в ворах. От праведной жизни не пойдешь. Мужичья во мне бактерия. А в ком рабочая — на фабрику ступай. А как с измальства вижу власть есть, начальство — не хочу. По карманам — моя власть. Пагуба эта.

Ванька Тамышин — Министр — смеется опять.

Аулиэ-Атинская ярмарка.

Фот. Музафаров.

П. виллон Госиздата, где продается для киргиз и узбеков туземная литература.

— Удумал, — говорит, — Дыня утопию, сам и утонет.

Я на него посмотрел и говорю ему серьезно:

— Иван, говорю, хоть и благородного ты происхождения, а по молодости глуп. Самая эта бактерия: инфузор в тебе сидит. Пощупай, говорю, ее в правой стороне в паху.

Иван больше не говорил, а Гусыня, подруга его, свое сказала:

— Я, говорит, дядя Дыня, не хочу твоей утопии. Все я не овца, а праведная жизнь в сказках. Пойдем, говорит, Ванька. Пора. Часа два времени есть. Может, кого накроем.

Я вынул часы и ее поправил:

— Час, говорю, и 50 минут.

Как они ушли, входит тут еще один — Пашка Скворец.

— Угольки, говорит, дядя Дыня, тут рыщут. Кабы не накрыли.

— Чего они?

— Слышно, убийство какое-то. Думаю, говорит еще Скворец, что замешан в том министр. У него с Гусыней тут третьевось было. А какое не знаю.

— Не пора ли, говорю, тогда разойтись, коли начальство рыщет.

Пошли все, а потом я. Дождик на улице стрекотал. На осень холодеет. Пошел было на угол постоять, подождать кого. Да утюжка на ум пришла. Нашел навал, спать улегся.

II.

Ночь другая, ясная совсем ночь. День на второй должно после собрания нашего. Звезд этих самых, как ягод земляничных. Словом сказать — особенная ночь. Только для воров такие не подходят. Нам бы потемней, чтобы с тучами.

Галку — на бульваре Гусыня с Министром на скамейке сидит. Подсел к ним, а она меня толкает. «Молчи» дескать. Слышу разговор. Сидят тут же двое людей, и рассказывает один:

— Как говорю я тебе по дружбе. Увижу на улице нищенку выходящую и бегу за ней. Денег ей сую; а она видит, денег я ей 25 или 50 тысяч вкладываю, глядит, на меня боязливо — не пиджак ли какой.

— Бери, говорю ей, на мать на мою ты похожа. А тем мою мать разве замену, что даю денег нищенкам. Бывшей я стал.

Другой его перебивает.

— Успокоиться надо. От смерти никто не уйдет. Тот опять: — В том и дело, что не во время умерла. Кабы умерла она сейчас, когда у меня денег этих проклятых сколько...

(Он ударил по своему карману; вижу я, что Министр Гусыня толкнул при этом). Несправедливость, Петр Алексеевич, извиненная. В голоде умерла. А что мне с деньгами делать по скамейке, кабы я их на нее истратил мог. А? тогда не было у меня на гроша. Был я в Красной армии. Без меня умерла. В отпуск приехал, а ее уж нет...

Другой человек поднимается, говорит:

— Мне пора, Федор Николаич. И ушел. А этот остался.

Сидит там вчетвером. Гусыня вдруг ему говорит:

— Горе у вас. Не могу ли я его вам размыкать? Тут на нее посмотрел: — Нет, говорит.

Сидит опять. Только человек тот, на Гусыню не смотрит и задыхается.

— Проститутка я. А жалко мне вас. У меня тоже мать умерла, как у вас я слышала, по бедности.

Он ей:

— Пойдем ко мне, денег я тебе дам, одежды, как вижу добрая у тебя душа.

Она поднялась, а перед этим Министра опять толкнула: я видел. Министр тоже поднялся и пошел сади них.

III.

Темное будет дело, это я знаю. Допустить это дело

Сельское хозяйство сейчас восстановлено на 80%, по сравнению с мирным временем. Деревня копит силы, укрепляет свое хозяйство, от трехполья переходит к многополью.

На снимках сверху: слева — Продажа кур на ярмарке; справа — За сохой. По средине — Смотрят хлеба. Внизу — Жарко в поле.

На Одесском пляже.

— Знаю, говорю, и по поводу пришел покушения. Потому воровать это можно, а убивать по Лев Николаичу нельзя.

— Ты, значит, знаешь, что убил он с Гусыней двух старух?

— Нет не знаю, а по другому совсем.

Он подходит ко мне и по скуле.

— Теперь знаешь? Дежурный тут вмешался:

— Подождите, т. Кромкин. Он о другом деле каком-то. Какое дело?

Я им тут излагаю как на бульваре и адрес даю. Агент сейчас же с милиционерами туда.

А меня заперли.

IV.

Милиционер мне сказывал:

— Пришли, а человек на диване валяется. И кровь вокруг. Ни Гусыни, ни Министра не оказалось. Опоздала, значит, милиция. Они и скрылись.

я никак не могу. И пошел за ними. Выследил до Леонтьевского, видел, как свет в 3 этаже вспыхнул.

«Здесь».

И побежал искать своих, чтобы смертоубийству помешать. Желудя и Хромого встретил:

— Министр, говорю, и Гусыня доброго человека убивают. Мать у него умерла. И дети, может быть, есть.

Они на меня с враждой этак посмотрели.

— Нам - то что? Их дело. Жрать нам нечего. Мы сами кого убьем. Жалеть чего. Нас небось никто не жалует.

И злость у них вижу сильная.

В голову опять утопия моя прилезла.

— Отделение, говорю себе, от властей, а может это и не надо совсем и вредно; потому вот убьют, а кто помешает.

Решил я тут же в милицию итти, как допустить смертоубийства я не мог.

Вхожу.

Подхожу к дежурному столу. Сказать не знаю как. Агент тут же стоит. Видел я его раньше где-то. Может, когда отсиживал.

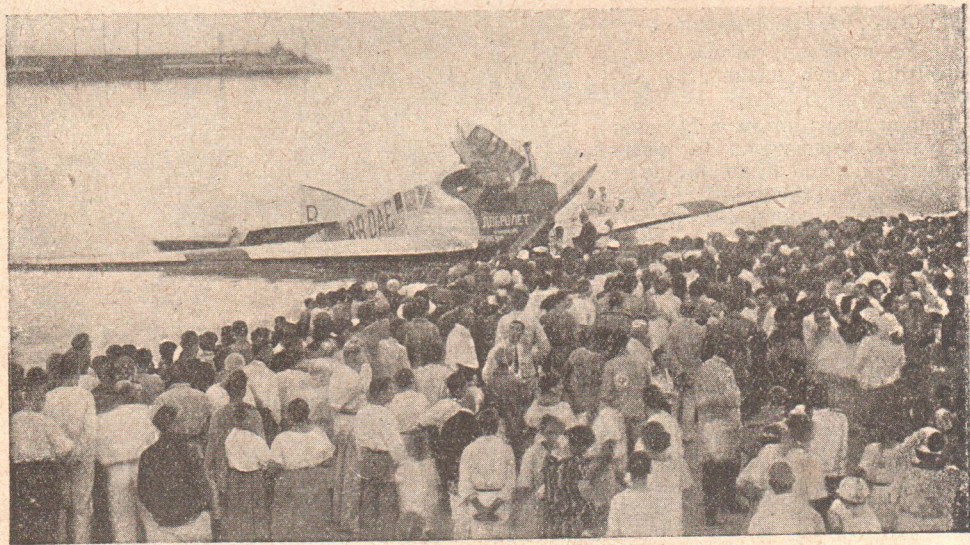
Он глядит на меня и милиционерам знак дает. Смотрю, они револьверы держат.

Он ко мне:

— Макаров—Дыня ты? Министра знаешь?

Постройка гидроплана на Черном море.

От Ялтинского корреспондента «Огонька».

Митинг, организованный Д. Бромлетом для встречи гидроплана, предназначенного для поддержания пассажирского сообщения по берегу Черного моря.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЬКА“.

Готовится к печати и с сентября начнет выходить первая серия книжек „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЬКА“.

Книжки будут выходить еженедельно, размером от одного до двух печатных листов.

По содержанию книжки „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЬКА“ будут подразделяться на четыре основных типа: 1 — новая беллетристика (оригинальная и переводная), 2 — юмористические рассказы и повести (русских и иностранных авторов), 3 — документы эпохи и мемуары и 4 — наука: новые путешествия, открытия, опыты.

В „Библиотеку Огонька“ войдут новые произвед. лучших русских и иностр. авторов.

Цена отдельной книжки—15 коп.

Для подписчиков журнала „ОГОНЕК“ 4 книжки—50 коп.

Норвежские футболисты в Москве

Ф. Т. А. Тулеса.

В первый день встречи с норвежскими футболистами на поле, москвичи привели в свои гости огромный букет цветов. Матч окончился со счетом 9 : 0 в пользу москвичей.

Вызывает меня потом агент:

— Знаешь, где Министр находится?

— Нет, не знаю.

— Пойдем, говорят, отпуск тебе.

Посадили на извозчика, повезли куда-то. Я им по дороге тоже рассказывал.

— А Гусыня?

— Тоже не знаю. Ведь вот, говорю, какие кровососные люди бывают. Дозвольте, прошу, товарищ агент, вам утопию мою рассказать, как к праведной жизни придти?

Агент меня не слушает и велит в камеру увести. Прихожу, там человек двадцать. Начал я им рассказывать. Они смеются. А которые серьезно:

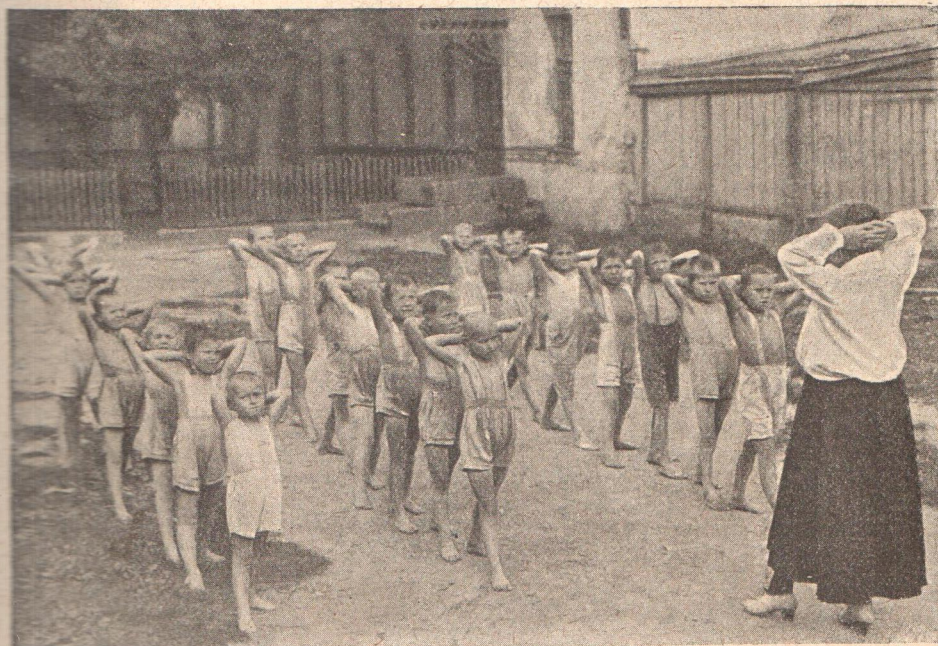
— К бунту ты нас смущаешь. Знаешь, что за бунт к стенке полагается.

Приходят вечером милиционеры с ужином, а арестанты им, слышу, шепчут:

— Помешался, должно, у нас один. Старик вон тот. Болтает зря всякое...

Обиду мне тем по невежеству самую колючую наносят.

Школа Дункан

Ученики школы Дункан на уроке пластики.

Ирма Дункан

И более даровитая из учениц Айседоры Дункан—Ирма Дункан ведет работу среди пролетарских детей.

Они слушают, говорят:

— Хорошо, Дыня! Молодец!

И доктору потом рассказывал, и нянькам, и больным.

А потом думаю, что людям зря рассказывать. И как Лев Николаич положение жизни изменить не мог, то выходит люди—дрянь и навоз. Удумал я тогда рассказать твари бессловесной—птицам и иным домашним зверям и насекомым.

Выбил окно и кричать громко начал, как праведную жизнь учинить надлежит.

Меня тут от окна отволокли и били. Очень меня били. А за что—не знаю?

С. Ващенко.

Радио-телефон на службе Советской печати.

— Алло, Алло!...

— Говорит Центральная Радиотелефонная станция имени Коминтерна!...

— Слушайте, радиостанция Росток от № 1 до № 20!...

— Настройвайте, записывайте!...

— Лондон, 14. Макдональд—Эррио... Советская делегация... договор... Дванды в день, в точно определенные часы, электромагнитные волны разносят также вогласы из Москвы по всему необъятному пространству Советской земли.

Эти волны долетают также до редакций газет центрального района, в помещениях которых установлены радиотелефонные станции специального назначения.

Таких станций двадцать,—в радиусе до 600 верст вокруг Москвы.

Замыкает этот круг с севера—Вологодский «Красный Север», с юга—«Курская Правда», с запада—«Псковской Набат» и с востока—«Нижегородская Коммуна».

Все газеты этого района снабжены Росток радиотелефоном.

Тут и Орехово-Зуевская «Колотушка», и Серпуховский «Набат», и Тульский «Коммунар», и Иваново-Вознесенский «Рабочий», и многие другие.

В один и тот-же час, в одну и ту-же минуту сотрудники всех этих двадцати газет вооружаются бумагой и карандашами, на-

девают двухухие телефоны и начинают настраиваться.

Настройка очень простая.

Взгляд под стол на аккумуляторы быстро удостоверяет, что вольтаж для усилительных ламп вполне достаточный. Одной рукой газетчик-слухач дает усилительным лампам правильный накал, а другой поворачивает головку конденсатора для получения максимальной чистоты звуков.

Настройка готова.

И двадцать карандашей одновременно выводят:

— Лондон, 14. Макдональд... Эррио... Советская делегация... договор... компартия... И. Т. Д.

РАДИО В РЕДАКЦИИ.

Ф.т. В. П. Микулича

Сотрудники редакции «Нижегородской Коммуны» принимают по радиотелефону материал, ежедневно передв. емый Роста с Московской центральной радиотелефонной станции имени Коминтерна.

2000 слов живой, свежей информации ежедневно.

«По радиотелефону из Москвы», — под таким заголовком эта информация появляется на страницах всех 20-ти газет Центрального Района.

— У нас теперь такая же свежая информация, как и у «Правды», — радостно заявляет редактор «Колотушки».

А Богородский «Голос Рабочего» приглашает своих читателей:

— В ближайшее воскресенье зайдите в редакцию послушать радиоконцерт из Москвы.

* * *

Это сегодня. А еще лишь вчера телефонисты Роста надрывались:

— Межгородная Станция?! Барышня, дайте мне Орел! «Орловскую Правду»!

— Что?! Телефон не работает? Ремонт линии?.. Дайте Тулу—«Коммунар»!

— Тула, записывайте! Лондон, 14. Эррио... Макдональд... Советская делегация....

— Что?! Не слышно? Линия шумит? Придется по телеграфу. До свидания, товарищ!

В другой будке телефонист, как горохом, сыплет очумелой стенографистке «Нижегородской Коммуны» со скоростью 80 слов в минуту:

— Эррио... Макдональд... Советская делегация...

Их было 8,—восемь будок, восемь телефонистов,—и двадцать газет, алчущих и жаждущих информации, да поскорей, да поскрежней.

А надо всем этим царствовала «межгородная» барышня:

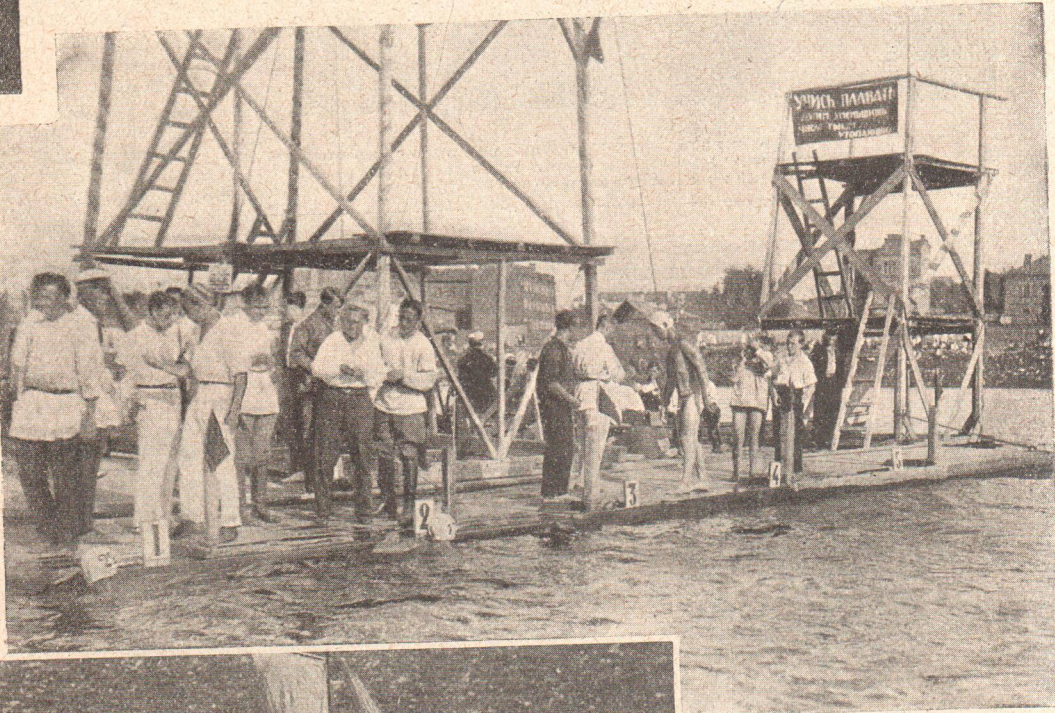
— Провод занят... провода ремонтируются... шум на линии.

* * *

Теперь уже по иному. Часть телефонных будок заколочена, в других хранятся

СПОРТ

Фот. С. Красинского.

1) Первенство СССР по водному спорту. На старте состязания в плавании.
2) Члены профсоюзов готовятся к посадке на лодки в день чествования английских рабочих.

запасные аккумуляторы и усилительные лампы для радиотелефонов.

Телефонисты залечивают свои горловые связки. Лишь один из них, наиболее живучий, наиболее горластый, гордо восседает на радиотелефонной станции имени Коминтерна и посылает в рупор:

— Радиотелефонные станции Роста от № 1 до № 20! Настраивайтесь! Записывайте!....

И пишут. 20 карандашей. Дружно, по команде.

Радиотелефон на службе советской печати. В этом заслуга и Роста, и всех газет центрального района, преодолевших косность и консерватизм и дружно откликнувшихся на призыв о радиотелефоне.

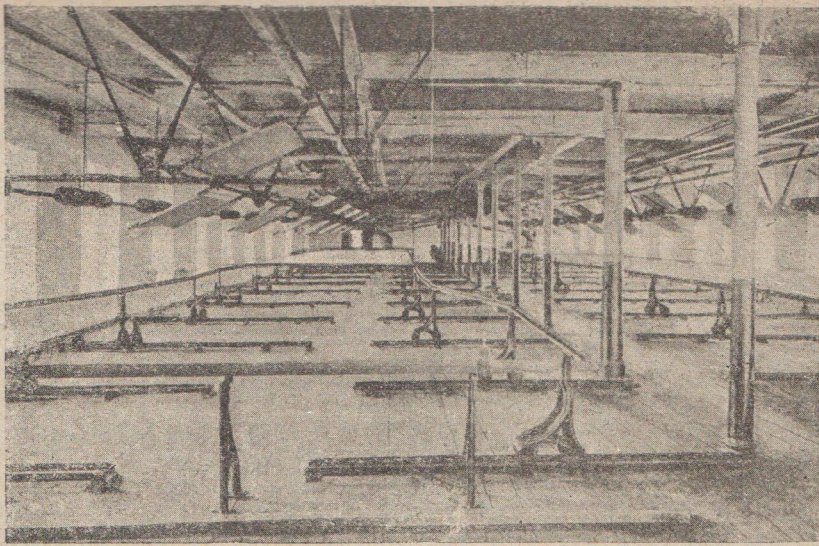
Но больше всего в этом заслуга Электротреста—завода слабого тока, предоставившего для газетных радиостанций все то лучшее, что имеется в настоящее время в радио-технике.

А. Колко.

Издатель «Мосполиграф».

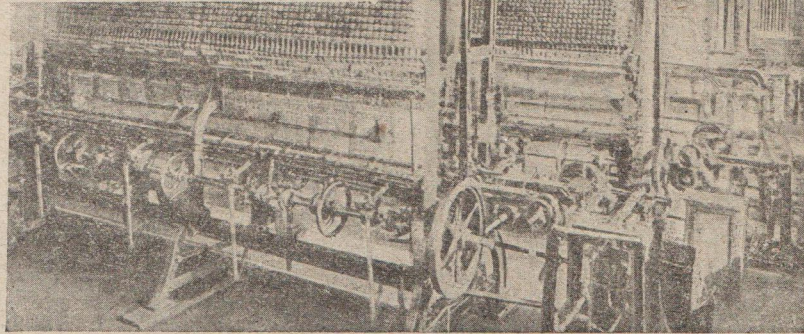
Редактор Мих. Кольцов.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, Благоевещ. пер., 3. Тел. 86-87. ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Тверская, 48. Тел. +80-03. Бюро объявлений—тел. 3-91-48
ЭКСПЕДИЦИЯ—41-33. Телеграфн адрес «Москва, ОГОНЕК». Тариф объявл.: 1 стран.—40 чер., 1/2 стр.—20 чер., 1/4 стр.—10 чер. 1 строка нонп.
в 1 кол. 60 коп. На обложке—на 50% дороже. Стелн гекста—в 2 раза дороже. Сверх тарифа—15% налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 9—3 ч.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На «Огонек» вместе с «Библиотекой Огонька»: на 1 мес.—1р., на 3 мес.—3 р., на 1/2 года—5 р., на год—10 р. На «Огонек» без
«Библиотеки Огонька»: На 1 мес.—50 коп., на 3 мес.—1 р. 50 к., на 1/2 года—3 р., на год—5 р. За границей: на 1 мес.—35 сент., 1 экз.—10 сент. или
в переводе на соотв. местн. валюту. С «Библиотекой Огонька»—вдвое. Подписка на «Огонек» принимается во всех почт.-телегр. учрежд. и во всех
отделениях и агентствах Госбанка.

Рама: длина 48 арш., ширина от 46' д. 244''.

Для рабочих, постановка спектаклей силой местного драматического кружка, духовой оркестр, библиотека, ликвидация неграмотности, школа политграмоты, физкультура среди молодежи, санячейка при охране труда в работу которых привлекаются сами рабочие, говорят о нормальной и правильной работе местных организаций. Регулярно выходит стенная газета «Прожектор», широко освещая как внутреннюю жизнь предприятия, так и

Навев от 2 д. 3'. Кусок в 48 арш. вырабатывает в 1 день. Ширина мп. 160''-212''. Катушек 2240. Классе 9-14 нит. а 1'. Полос в среднем 28-352. Пряжа 80/2, 60/2, 70/2, 50/2, 40/2, 30/2, 20/2 и 14/2.

общие, как по политические и хозяйственные вопросы Республики. Взаимоотношения заводоуправления с ячейкой РКП и фабриком нормальны и определяются взаимной работой как по улучшению производства, так и общей жизни Ф-ки.

Трест со своей стороны приходит на помощь местным организациям.

Ленинский набор дал сорок человек от станна.

Состав ячейки 70 человек.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

ВРАЧЕЙ СПЕЦИАЛИСТОВ

Мясницкие ворота, 28, трамвай А, В, 4, 34, 1, 21, 22, 6, телеф 1-89-93
(один восемьдесят девять девяносто три).

<p>Внутренние . . . . . с 9-9 ч. Детские . . . . . 9-7 Вараные и душевные с 10-11; 3-5; 6-9 Венерические и сифилис . . . . . 9-9 Мочеполовые . . . . . 10-9 Скожные . . . . . 10-8 Женские и акушерство . . . . . 10-9</p>	<p>Женская гоноррея . . . . . с 12-9 ч. Желудочные и внутр. секреции . . . . . с 10-1; 7-9 Глазные (подбор очкоа) . . . . . с 10-2; 4-9 Хирургические . . . . . с 9-9 Уха, горла и носа . . . . . 10-9 Туберкулез легк. с 10-12; 2-7</p>
--	--

ЛЕЧЕБНО-ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ОТД. лечение, пломбирование, удаление зубов и все виды технических работ. Хирургия полости рта.

РАДИАЦИОННЫЙ И ЭЛЕКТРОЛЕЧЕБ. КАБИНЕТ: снимки, просвечивания лечеб. болезней кожи и др. лечение электрич. (все виды), светом и пр.

АНАЛИЗЫ: крови (Реакция Вассермана Сакс Георга и проч.), мочи, мокроты, кала, желудочн. сока и др.

КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ,
по всем специальностям по предварительной ежедневной записи
По воскресеньям и праздн. прием больных с 10-4 час.
Вызов врачей на дом по всем специальностям

ЗАОЧНАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ ШКОЛА КУРСОВ „ПОЛИГЛОТ“

существует с 1917 г. * Ростов-на-Дону, Б. Проспект, 37.

НАШ МЕТОД ГАРАНТИРУЕТ УСПЕХ. Наши заочные курсы „ПОЛИГЛОТ“ коммерческих наук и стенографии будут особенно оценены лицами, не имеющими возможности посещать специальн. курсы, живущими вдали от больших крупных центров. Но они для всех доступны как жителям города, так и деревни. Благодаря нашей заочной системе школа приходит к ВАМ НА ДОМ

Мы обучаем везде, где только имеется почта.

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ: бухгалтерия, коммерческие вычисления, торгов. корреспонденция и делопроизводство, стенография и др. спец. прикладн. коммерч. науки. Занятия производятся посредством переписки по почте.

Подробные проспекты, программы и условия высылаются за 10 коп. золотом почтовыми маркам.

Рекомендуется ВСЕМ.

Американская косметика

Всемирно-известная „Imsha“

„ИМША МЕТАМОРФОЗА“

ПРОТИВ ВЕСНУШЕК И ДЛЯ БЕЛЫЗЫ И НЕЖНОСТИ КОЖИ.

Продажа в аптеках, магазинах санитарии и гигиены и кооперативах.

При отсутствии в какой либо местности предметов нашего производства вышлем на сумму не менее 5 руб. почтой наложенным платежом, при получении задатка в размере половины стоимости.

Розничная цена: { КРЕМ больш. банка 1 р. 50 к., мал. банка 1 р. — к.
МЫЛО больш. кусок 75 к., средний кусок — р. 50 к.
ПУДРА больш. кор. 1 р. 50 к., сред. коробка 1 р. — к.

„АМЕРИКЭН-УНИОН“ Москва, почт. ящик 600

ЕВПАТОРИЯ (Крым)

САНАТОРИЙ-ПАНСИОНАТ

1-го коллектива врачей при МОСГИКО
(ул. 25 Октября, угол 1-й линии, д. № 6).

Сезон с 15-го мая по 1-е октября.

Справки и запись производятся в лечебнице коллектива (Маросейка, М. Златоустинский, 2) ежедневно от 1 до 3 и от 6 до 8 кроме праздн. дней. Телеф. 5-87-98.